

Бэйшэн не видел ласкового братца Ван Сюаня целую неделю. Стоило тому прийти за ним в детский сад, как мальчик буквально просиял от радости. Крепко вцепившись в руку Ван Сюаня, он всю дорогу без умолку щебетал о садиловских делах. Ван Сюань осторожно вел его за собой, следя, чтобы увлекшийся болтовней ребенок не споткнулся на ровном месте.

Поместье Изумрудного Сада занимало огромную площадь. Здесь были и тенистые сады, и извилистые дорожки, и чистейшие бассейны, так что от главных ворот до самой виллы тянулась приличная дорога. Для маленького Бэйшэна с его короткими ножками такой пеший путь казался серьезным испытанием.

Будь на месте Ван Сюаня повариха, тётушка Цзян, она непременно прикатила бы на своем особом трехколесном велосипеде с детским креслом. Но Ван Сюань считал, что ребенку полезно больше двигаться, поэтому всегда приходил за ним пешком. Вот и сейчас Бэйшэну пришлось топтать рядом.

Впрочем, детская радость творила чудеса: обычно утомлявшая его дорога сегодня показалась сущим пустяком. Малыш весело скакал по тротуару и без конца допытывался, какой же подарок привез ему Ван Сюань.

— А вот это ты узнаешь, когда придем домой и сам все распакуешь, — улыбнулся Ван Сюань. — Кстати, твой старший брат тоже приготовил для тебя подарок.

— И старший брат тоже? — изумился Бэйшэн.

В его представлении все хорошие вещи всегда покупал только Ван Сюань — от красивых курточек до забавных игрушек. Ван Сюань вообще его очень любил.

По крайней мере, сам Бэйшэн был в этом абсолютно уверен.

"А старший брат... Ну, он подарков никогда не выбирал. Только совал отцу пачку купюр и говорил покупать все, что мне понравится"

Но отец тратить не любил. Он вечно ворчал, что дома и так всего полно, а деньги прятал подальше. И сколько Бэйшэн ни плакал, сколько ни капризничал, отец оставался непреклонен — в лучшем случае покупал что-нибудь съедобное, приговаривая, что еда куда полезнее всяких безделушек. Так что все машинки, конструкторы и даже чудесная музыкальная шкатулка достались ему именно от Ван Сюаня.

— Твой брат очень тебя любит, — мягко возразил Ван Сюань. — Просто он постоянно занят на работе, зарабатывает деньги. И вообще, все подарки, которые я тебе приношу, мы покупаем с его согласия.

"Неужели это правда?"

— Значит... — протянул шестилетний Бэйшэн тонким, еще совсем детским голоском, — значит, братец Ван Сюань, старший брат меня вовсе не ненавидит? Правда?

Ван Сюань ласково погладил его по голове. Волосы у малыша были мягкими, а череп — на редкость ровным и аккуратным. Совсем не то что у Гоуданя в детстве: у того голова напоминала тяжелый железный молоток, выдаваясь и спереди, и сзади. Сразу было видно — растет упрямый бунтарь.

— Ну конечно же нет! — Ван Сюань улыбнулся. — С чего бы ему тебя ненавидеть? Просто твой брат не выносит шума и суеты. Особенно когда дети начинают бесконечно капризничать и реветь без повода.

— А я не шумлю, — послушно заверил Бэйшэн.

Он уже и думать забыл, каким невыносимым сорванцом рос раньше. А ведь не будь он таким несносным, родной отец ни за что не отправил бы его в Столицу под строгое крыло старшего брата.

Весело переговариваясь, они подошли к вилле. На морозном воздухе их дыхание превращалось в легкие облачка пара. Переступив порог, они сбросили уличную обувь и переобулись в мягкие пушистые тапочки. Не успел Ван Сюань опомниться, как Бэйшэн, похожий в своем теплом пуховике на упитанный бочонок, припустил в гостиную, оставив школьный ранец в руках своего спутника.

Малыш привычным жестом схватил пульт и щелкнул кнопкой, включая детский канал. Там как раз крутили рекламу. Сверившись с висевшими на стене большими часами, Бэйшэн вздохнул, выключил телевизор и положил пульт на место. Забрав у Ван Сюаня свой ранец, он с его помощью стянул тяжелую зимнюю куртку, устроился у низкого столика, за которым Гоудань обычно пил чай, и принялся выводить буквы.

— Бэйшэн, почему ты не сядешь за нормальный письменный стол? — удивился Ван Сюань. — Так же неудобно, спина затечет.

— А мне и тут хорошо, — буркнул Бэйшэн, даже не шелохнувшись.

Ван Сюань лишь покачал головой и не стал настаивать.

— Да просто наш Бэйшэн боится пропустить мультики! — весело крикнула из кухни тётушка Цзян. — В его комнате часов нет, время не уследишь. А здесь все под рукой: и циферблат перед глазами, и телевизор рядом.

Надо же, какой хитрый! Выкраивает каждую свободную минуту, будто пасту из тюбика выдавливают. Впрочем, это лишь доказывало, что нанятые год назад воспитатели и репетиторы

не зря ели свой хлеб. Мальчик научился ценить время и, чтобы не бездельничать в ожидании любимой передачи, приноровился делать уроки заранее. Весьма похвальное достижение для такого возраста.

И пусть он то и дело отвлекался — глупо было требовать от первоклашки железной дисциплины.

— Бэйшэн, иди все-таки к себе в комнату, — мягко предложил Ван Сюань. — Я сам посижу за часами и позову тебя, как только начнется мультфильм, идет?

Мальчик полулежал на стеклянной столешнице, едва касаясь пола кончиками пальцев ног. Смотреть на это без жалости было невозможно.

— Нет, я тут допишу.

Ван Сюань лишь вздохнул. Упрямец.

— Как знаешь. Но имей в виду: твой подарок уже ждет тебя на кровати. Можешь пойти и распаковать.

Глаза Бэйшэна мгновенно округлились. Забыв про уроки, он отшвырнул карандаш и вихрем умчался к себе. Уже через секунду из детской донесся восторженный визг. Ван Сюань тихо рассмеялся — дети во все времена оставались детьми, и лучшим счастьем для них были новые игрушки.

Гоудань захлопнул крышку ноутбука и набрал номер своего секретаря. Велев тому зайти за документами и подготовить отчеты к завтрашнему совещанию, он набросил на плечи теплое пальто и спустился на первый этаж.

— На сегодня все? — Ван Сюань приветливо улыбнулся ему. — Иди выпей имбирного чаю. Ты ведь только вернулся с юга, организму тяжело перестраиваться с жары на наш холод. Горячее питье сейчас будет очень кстати.

Гоудань привычно опустился на диван рядом с ним. Вообще-то он терпеть не мог резкий вкус имбиря, но чай, который заваривал Ван Сюань, всегда выходил на удивление мягким и ароматным, без лишней горечи.

Пока младший брат возился в своей комнате с подарками, старшие не торопясь пили чай. Вскоре Ван Сюань принес из кухни тарелку со свежей выпечкой и пододвинул ее поближе к Гоуданю.

— Перекуси пока, до ужина еще далеко.

Вернувшийся к прерванным урокам Бэйшэн уныло сопел, вдыхая доносившийся со стола умопомрачительный аромат сдобы. Сладкий запах дразнил его, мешая сосредоточиться.

Однако строгий взгляд старшего брата заставлял держать себя в руках. Пришлось терпеть. Наконец большие напольные часы гулко пробили шесть раз. Едва смолк последний удар, Бэйшэн радостно подпрыгнул, собираясь рвануть к телевизору, но наткнулся на тяжелый прищур Гоуданя и замер как вкопанный.

— Да ладно тебе, отпусти ребенка, — мягко заступился за него Ван Сюань. — Беги смотреть свои мультики, Бэйшэн. А уроки, если не закончил, допишешь после ужина.

Малыш восторженно взвизгнул и припустил к экрану. Схватив пульт, он включил телевизор — на экране как раз замелькали титры под веселую вступительную песенку, которой Бэйшэн тут же принялся увлеченно подпевать.

— Не будь с ним так суров, — негромко произнес Ван Сюань, глядя на поющего мальчика. — За этот год он очень изменился. По крайней мере, научился контролировать себя и понимает, где проказничать не стоит. Помнишь, как он раньше таскал соседских цыплят и вылавливал золотых рыбок из фонтана? Сейчас такого и в помине нет. Разве это не прогресс?

После сытного ужина тётушка Цзян убрала со стола и ушла к себе домой. Ван Сюань, решив немного отвлечься, взялся проверять домашнее задание младшего. Делал он это не всегда — под настроение или когда выдавался свободный вечер, но Бэйшэну такие совместные занятия очень нравились. Для него это было сродни увлекательной игре.

— Отличная работа! — похвалил Ван Сюань, хотя ему пришлось изрядно покривить душой.

Каракули на бумаге выглядели на редкость кривыми, но для подготовительной группы детского сада это было нормальным явлением. Там учили лишь азам: фонетической транскрипции да простым цифрам. С недавних пор стали давать простейшие иероглифы, но Бэйшэн выводил их такими огромными, что каждый знак занимал сразу по две строчки.

Даже его собственное имя, «Ли Бэйшэн», было написано так, словно иероглифы поссорились друг с другом и разбежались в разные стороны. Сразу видно — родной брат Гоуданя. Тот в детстве относился к письму не менее небрежно. Стоило ему запомнить, как пишется знак, и он тут же терял к нему всякий интерес. Нудные школьные задания вроде «пропишите этот иероглиф десять строк подряд» вызывали у него глухое раздражение.

Сейчас Гоудань каллиграфически выводил разве что собственное имя «Ли Кай» да резолюции вроде «согласен» и «утверждаю». Прочие его записи изяществом не отличались. Сам он на любые замечания лишь отмахивался: «Буквы должны быть понятными, а не красивыми, к чему эти глупости?» Плохим его почерк назвать было нельзя, но и до каллиграфии ему было далеко. Зато каждый штрих выходил резким, размашистым и уверенным — точь-в-точь как его собственный характер: жесткий и непредсказуемый.

Но главное, что Бэйшэн все-таки довел дело до конца.

— Умница, все задания выполнил! — повторил Ван Сюань, закрывая тетрадь.

— Учительница меня хвалит! — просиял Бэйшэн, гордо выпятив грудь. — Она говорит, что я способный!

— Кто бы сомневался! — подмигнул ему Ван Сюань. — Наш Бэйшэн умен не по годам. Но зазнаваться все равно не стоит. Нужно и дальше стараться, договорились?

Малыш не совсем понял, что значит «стараться и дальше», но на всякий случай согласно закивал:

— Договорились! Я буду очень-очень стараться!

Бэйшэн забавным жестом расправил плечи и попытался вытянуться в струнку. Получилось не слишком убедительно — пухлый шестилетка больше походил на катающийся колобок, но решимости в его глазах было хоть отбавля.

— Вот и славно, — улыбнулся Ван Сюань. — Давай тогда с завтрашнего дня начнем писать аккуратнее? Не торопись, выводи каждую черточку, чтобы буквы получались красивыми и ровными. Ладно?

— Хорошо! — весело отозвался тот.

Хитрая уловка — сперва похвалить, а уже потом мягко направить — сработала безотказно. Бэйшэн охотно соглашался на любые условия. Ван Сюань тепло улыбнулся и снова погладил его по макушке. Мальчуган зажмурился от удовольствия, словно ласковый котенок.

"Какой же он еще глупый и наивный, — подумал Гоудань, скептически наблюдая за братом. — Растет недотепой, которого любой вокруг пальца обведет"

Окрыленный похвалой и заваленный новыми подарками, Бэйшэн последующие несколько дней ходил сам не свой от радости. Его старшие братья вновь с головой ушли в работу, пропадая с утра до ночи, но мальчик не капризничал. Вернувшись из детского сада, он прилежно усаживался за уроки, сам шел мыться и аккуратно складывал грязные вещи в корзину для белья. Под чутким руководством Ван Сюаня он даже потихоньку начал прибираться у себя в комнате. По крайней мере, по утрам теперь честно пытался заправлять кровать — пусть даже одеяло в итоге напоминало бесформенный ком.

Едва на Столицу опустился первый настоящий снегопад, состоялось долгожданное открытие Клиники «Чаоян». Ван Сюань не поскупился на масштабную рекламную кампанию: объявления крутили по телевидению, печатали в крупных газетах, а на торжественную

церемонию пригласили целую ораву репортеров. Траты оправдали себя на все сто — в новые времена даже лучшему делу требовалась громкая реклама, иначе никто о тебе и не узнает.

Новая больница поражала воображение: повсюду царили роскошь, стерильная чистота и дух высоких технологий. Новейшее медицинское оборудование закупали за границей, а штат укомплектовали лучшими кадрами. Здесь работали дипломированные специалисты, стажировавшиеся в престижных зарубежных вузах, и именитые отечественные светила, которых Ван Сюань переманил щедрыми окладами. Именно на высочайшую квалификацию персонала и делался упор в рекламе.

Сочетание передовых технологий и безупречной репутации врачей мгновенно выделило «Чаоян» на фоне серой массы казенных учреждений.

Ван Сюань решил совместить восточные традиции и западную науку, открыв два параллельных отделения — китайской и классической медицины. Вдобавок он уговорил своего наставника, изнывавшего от безделья на покое, стать почетным консультантом клиники. Старик мог приходить когда вздумается, но даже редкие его советы оказывались для молодых врачей бесценным даром.

Его детище разительно отличалось от тесных, обшарпанных государственных больниц, навевавших тоску одним своим видом. Здесь все дышало респектабельностью и комфортом. Разумеется, за безупречный сервис и передовое лечение приходилось платить — ценник в «Чаоян» кусался.

Однако главным козырем клиники стала строжайшая конфиденциальность. Свод правил и условий договора для сотрудников был составлен с дотошностью юристов: за любую утечку личных данных пациентов грозило немедленное увольнение со скандалом и гигантский штраф. Для влиятельных клиентов этот пункт был решающим.

Весь медперсонал, прошедший жесткий полугодовой отбор и специальную подготовку, наконец приступил к своим обязанностям. Оклады им положили царские: даже обычная медсестра получала здесь в разы больше, чем в любой городской поликлинике. Теперь всем стало понятно, ради чего люди соглашались на бесплатную полугодовую стажировку. Времена распределения выпускников безвозвратно ушли, и найти столь прибыльное место без связей было несбыточной мечтой.

Когда последние штрихи были завершены, Ван Сюань выбрал по календарю благоприятный день, и посреди морозной зимы Клиника «Чаоян» распахнула свои двери. Несмотря на современный европейский лоск здания, саму церемонию провели по старинке: под оглушительный треск праздничных петард, ритуальные танцы львов и драконов под грохот гонгов и барабанов.

Торжество вышло на славу. Благодаря навязчивой рекламе, которая гремела буквально на каждом углу, у горожан новое название уже засело в подкорке, так что на открытие собралась приличная толпа любопытных.

Решение запуститься в середине зимы было вынужденным, но благодаря тщательной подготовке старт прошел без сучка и задоринки. Новая система заработала как часы. В те годы частная медицина в стране еще только зарождалась, ограничиваясь крошечными полуподвальными кабинетами. Клиник уровня «Чаоян», способных потягаться по оснащению и мастерству врачей с ведущими государственными госпиталями, в Столице практически не существовало.

Уже за первый месяц работы выручка превзошла все ожидания. Ставка на обеспеченных клиентов полностью себя оправдала. Разумеется, в клинике вело прием и обычное амбулаторное отделение с более скромными ценами, но основной доход приносили дорогостоящие комплексные обследования и закрытый стационар для элиты.

Так простой, хоть и талантливый врач государственной больницы Ван Сюань превратился в... Ну, вообще-то он так и остался практикующим доктором. Но теперь за его плечами стоял статус крупного акционера и основателя, что давало ему безграничную власть при принятии любых решений.

Теперь не только Гоудань, но и сам Ван Сюань вполне мог претендовать на звание одного из выдающихся молодых людей страны. Однако у этого успеха была и обратная сторона: Гоудань больше не заставлял своего возлюбленного дома каждый раз, когда возвращался с работы. Одно дело — трудиться по фиксированному графику в казенном кабинете, и совсем другое — держать на плечах огромный работающий механизм собственного бизнеса.

Забот прибавилось в сотни раз, и Ван Сюань уже не мог, как прежде, неизменно ждать Гоуданя у окна, оставляя гореть мягкий свет в прихожей.

В один из таких вечеров братья, между которыми была огромная разница в возрасте, коротали время в гостиной. Гоудань сидел в кресле с газетой, а Бэйшэн, приподнявшись на цыпочки, по-прежнему корпел над тетрадкой у журнального столика. Малыш то и дело бросал робкие взгляды на старшего. Разве ребенок может шпионить незаметно? Гоудань, обладавший феноменальной наблюдательностью, сразу почуял эти нерешительные косые взгляды.

— Говори уже, если что-то надо, — Гоудань шумно встряхнул газетный лист. — Что ты мнешься как неродной? Тебя репетитор хорошим манерам зря, что ли, учил?

Бэйшэн втянул голову в плечи и по привычке потянул в рот кончик карандаша, но вовремя спохватился и испуганно опустил руку.

— Наша учительница просила... передать родителям приглашение, — теребя край тетради, тихо пробормотал мальчик. — Там будет праздничный вечер, и взрослые обязательно должны прийти. А мамы с папой тут нет.

На самом деле Бэйшэн лукавил. Главная беда заключалась в том, что его родители были уже совсем старыми деревенскими жителями. Они не знали грамоты и с трудом разбирали столичный выговор. Появись они в школе среди молодых и модных родителей, они бы просто

растерялись и чувствовали себя чужими.

В свои неполные семь лет Бэйшэн прекрасно понимал, чем его семья отличается от других. Мам и пап его одноклассников легко можно было принять за ровесников его старших братьев. А люди возраста его родителей — седые и сгорбленные — обычно приходились детям бабушками и дедушками.

Гоудань нахмурился. Вечно в этих школах какие-то хлопоты. Когда он сам учился, никаких праздников для родителей отродясь не устраивали — даже обычные собрания проводили раз в сто лет.

"И откуда только берутся эти вечные проблемы? Слишком уж усложнили нынешнюю жизнь"

Впрочем, времена изменились. Раз уж отдали ребенка в элитное заведение, приходилось подчиняться общим правилам.

— И когда этот ваш вечер? — спросил он у брата.

Бэйшэн порылся в портфеле и выудил оттуда яркую глянцевую открытку. Видимо, это было приглашительное письмо. Он робко протянул его Гоуданю. Бумага была плотной, украшенной забавными детскими рисунками. Гоудань удивленно приподнял бровь: надо же, как официально.

— Ладно, давай сюда, — Гоудань постучал пальцем по столу. — И возвращайся к урокам. С телевизором ты сегодня попрощаешься, если не допишешь до ужина.

Бэйшэн вздрогнул и торопливо уткнулся носом в тетрадь, застрочив с удвоенной силой.

Гоудань покрутил в руках нарядную открытку. Его взгляд остекленел — мысли мужчины унеслись далеко-когда-то очень далеко от школьных забот младшего брата.

<http://bllate.org/book/19654/1996886>